

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Томъ третій. Націонализмъ и европеизмъ. Юбилейное изданіе. Изд-во «Современныя Записки». Парижъ, 1930. Стр. 507.

Рекомендовать «Очерки по исторіи русской культуры» читателю нѣтъ надобности. Слишкомъ общеизвѣстны выдающіяся достоинства этой замѣчательной книги, являющейся однимъ изъ перлювъ нашей исторической литературы. Чрезвычайно широкій охватъ вопросовъ русскаго прошлаго, соединенный съ тщательнымъ и глубокимъ ихъ изученіемъ, отчетливость и стройность вытекающихъ изъ этого изученія общихъ построеній автора, изящество и ясность его изложенія, вовсе не покупающаяся притомъ цѣною его упрощенія, все это при первомъ же появленіи въ свѣтъ данной работы П. Н. Милюкова привлекло къ ней большое вниманіе и обезпечило ей прочный успѣхъ. Съ тѣхъ поръ втеченіе ряда лѣтъ немалая часть русской молодежи при помощи «Очерковъ по исторіи русской культуры» училась осмысливать прошлое родной страны и въ свѣтъ этого прошлаго разбираться въ ея настоящемъ. И новое, совпавшее съ 70-лѣтнимъ юбилеемъ ея автора, изданіе этой книги, въ послѣдніе годы исчезнувшей было съ книжнаго рынка, является въ настоящій моментъ какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Сейчасъ, когда рушилась старая русская государственность и распался старый социальный порядокъ, когда Россія переживаетъ невѣроятно мучительный и тяжелый кризисъ, сейчасъ особое значеніе приобретаетъ книга, авторъ которой, опираясь на громадный матеріалъ и руководясь ясной и послѣдовательной мыслью, пытается прослѣдить пути русскаго прошлаго — вѣдь въ этихъ путяхъ въ значительной мѣрѣ скрыты и заложены русскаго будущаго.

Тотъ третій томъ, съ котораго начато настоящее изданіе «Очерковъ», органически связанъ, конечно, съ двумя первыми ихъ томами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно этимъ первымъ томамъ, представляетъ изъ себя и самостоятельное цѣлое. Исторія русскаго національнаго самосознанія — таково содержаніе, вложенное П. Н. Милюковымъ въ данный томъ. Изложеніе этой исторіи авторъ начинаетъ съ конца XV вѣка, съ момента окончательнаго образованія на мѣстѣ ряда сѣверо-восточныхъ княжествъ единогодержавнаго Московскаго государства. Отмѣтивъ существовавшія къ этому моменту въ московскомъ обществѣ идеологическія теченія, онъ указываетъ, какъ среди нихъ приобрѣло перевѣсъ націоналистическое міровоззрѣніе, получившее заглѣвъ — въ XVI - XVII в. в. — окончательную формулировку подъ влияніемъ ударовъ критики, появлявшейся благодаря все учащавшимся встрѣчамъ москвичей съ иноземцами. Послѣдніе годы XVII-го и начала XVIII вѣка явились — указываетъ далѣе онъ — временемъ официальной побѣды критическихъ взглядовъ. Старая идеологія оказалась слишкомъ слабой, чтобы отстоять свое господство въ жизни безъ поддержки отступившей отъ нея власти, вступившей на путь реформъ, но эти реформы далеко не сразу повели къ созданію новаго, сколько-нибудь цѣльнаго и послѣдовательнаго міровоззрѣнія. Довольно долго старые навыки мысли и старые взгляды полу-механи-

чески соединялись въ жизни съ новыми порядками и новыми возрѣніями, не проникавшими черезчуръ глубоко. Только во второй половинѣ XVIII вѣка сложились среди образованной части русскаго общества болѣе послѣдовательныя идеологическія теченія, исходящія изъ новыхъ взглядовъ на міръ и человѣка, на государство и общество, теченія, подвергавшія принципиальной критикѣ современную имъ русскую дѣйствительность и стремившіяся къ болѣе или менѣе глубокой ея реформѣ. Но къ этому времени стоявшая ранѣе во главѣ реформаторскихъ начинаній власть, испуганная ростомъ критическихъ элементовъ, рѣшительно отошла отъ нихъ. И конецъ XVIII столѣтія явился моментомъ рѣзкаго столкновенія между передовыми элементами русскаго общества и государственной властью, — точнѣе говоря, начала гоненія на первые со стороны послѣдней.

До этого момента доводилъ изложеніе исторіи русскаго самосознанія П. Н. Милюковъ въ предыдущихъ изданіяхъ своей книги. На этомъ же моментѣ останавливается и теперь третій томъ «Очерковъ», — изложеніе дальнѣйшихъ моментовъ должно быть дако ль слѣдующемъ, четвертомъ томѣ, который авторъ обѣщаетъ выпустить въ скоромъ времени. Но и содержаніе третьяго тома не является простымъ повтореніемъ предыдущихъ изданій. Авторъ, прежде всего, расширилъ свое введеніе къ этому тому, обосновывающее ту общую схему, въ которую онъ укладываетъ излагаемые имъ здѣсь историческіе процессы. Мѣстами, далѣе, онъ, основываясь на вновь появившихся въ послѣдніе годы спеціальныхъ работахъ, значительно дополнилъ и расширилъ и самое изложеніе этихъ процессовъ. Такъ, существенныя дополненія сдѣланы имъ на тѣхъ страницахъ его книги, на которыхъ говорится о Крижаничѣ, Н. И. Новиковѣ, Радищевѣ. Менѣе значительныя дополненія внесены и въ нѣкоторыя другія мѣста книги. Всѣ такія дополненія являются однако-же лишь частичными, въ общемъ же изложеніе автора сохранило прежній характеръ.

При всѣхъ достоинствахъ этого изложенія, при всемъ его блескѣ и глубинѣ не все въ немъ представляется одинаково безспорнымъ. Начать съ самаго заглавія, поставленнаго авторомъ надъ данною частью «Очерковъ», заглавія, которое должно охватить основное ея содержаніе. Въ предыдущихъ изданіяхъ такимъ заглавіемъ было: «націонализмъ и общественное мнѣніе». Сейчасъ П. Н. Милюковъ самъ призналъ неудачность такого заглавія (націонализмъ вѣдь является однимъ изъ видовъ общественнаго мнѣнія) и замѣнилъ его другимъ: «націонализмъ и европеизмъ». Но и это новое заглавіе, думается, не вполне удачно. Оно не покрываетъ собою вполне всѣ теченія русской общественной мысли и, если въ данномъ томѣ «Очерковъ» авторъ могъ свести исторію развитія и борьбы этихъ теченій къ развитію націонализма и европеизма, то въ дальнѣйшемъ, при переходѣ къ болѣе позднимъ временамъ, ему едва-ли уже удастся сдѣлать это безъ насилія надъ своимъ матеріаломъ. И было бы, пожалуй, правильнѣе взять для заглавія даннаго отдѣла книги болѣе общіе терминны.

Врядъ-ли вполнѣ правильно поступаетъ авторъ и тогда, когда начальнымъ пунктомъ своего изложенія исторіи русскаго самосознанія онъ беретъ конецъ XV вѣка. Самъ П. Н. Милюковъ, правда, весьма рѣшительно отстаиваетъ правильность такого построения. «Непрерывную исторію русскаго національнаго самосознанія — категорически утверждаетъ онъ — слѣдуетъ начинать не съ элементовъ самосознанія и критики, присущихъ «удѣльно-вѣчевому» періоду русской исторіи, а съ конца XV вѣка, т. е. съ момента, къ которому эти старые элементы совершенно переродились». Дѣло въ томъ, что «каждый общественный строй создаетъ свое общественное самосознаніе, совершенно отъ него неотдѣлимое и вмѣстѣ съ нимъ измѣняющееся». Соціальный строй сѣверо-восточныхъ русскихъ земель, объединенныхъ московскимъ государствомъ, и создать то самосознаніе, съ котораго можно начинать непрерывную исторію русскаго самосознанія.

Едва-ли однако приведенный аргументъ вполнѣ разрѣшаетъ данный вопросъ. Начать съ того, что Московское государство къ концу XV вѣка объединяло не только сѣверо-восточныя, но и сѣверо-западныя земли — въ его составъ входили вѣдь и земли новгородскія. И самому же П. Н. Милюкову, когда онъ говоритъ о религіозномъ сознаніи этой поры, приходится указывать на вліянія, шедшія въ этой области изъ Новгорода въ Москву. Уже одно это обстоятельство указываетъ, что начальный моментъ изслѣдованія нельзя ни ограничить русскимъ сѣверо-востокомъ, ни пророчить къ концу XV столѣтія. Съ другой стороны, и на самомъ сѣверо-востокъ не всѣ элементы удѣльнаго періода совершенно переродились къ концу XV вѣка, ибо и соціальный строй этого послѣдняго столѣтія не такъ ужъ сильно отличался отъ порядковъ предыдущаго вѣка. Въ частности, боярская оппозиція XV - XVI в. в. была явленіемъ, корни котораго уходили въ удѣльные порядки, и, борясь съ этой оппозиціей, Иванъ Грозный въ значительной мѣрѣ боролся съ удѣльной старинной. Этому нисколько не мѣшало то, что въ XVI в. данная оппозиція осложнилась новыми идеологическими построениями. Въ дальнѣйшемъ эти построения такъ же отошли въ область прошлаго, какъ и предшествовавшее имъ понятіе «вольныхъ слугъ», но въ свое время и то, и другое было моментами развитія русскаго общественнаго самосознанія. Нельзя, конечно, забывать и того, что въ этомъ самосознаніи задолго до образованія Московскаго государства сложилась и выросла идея единаго русскаго народа, то единой русскаго земли, — идея, которой позже воспользовались московскіе политики. П. Н. Милюковъ оставляетъ этотъ фактъ въ сторонѣ. Онъ какъ будто даже склоненъ думать, что притязанія Ивана III, какъ на свою «отчину», на русскія земли, находившіяся подъ властью великаго князя литовскаго и короля польскаго, были внушены своего рода подсказками со стороны римскаго папы и случайно заѣхавшаго въ Россію нѣмца Николая Поппеля. Но, конечно, это не такъ: въ Москвѣ XV столѣтія и безъ всякихъ подсказокъ со стороны знали и помнили старыхъ суздальскихъ князей съ ихъ претензіями владѣть и распоряжаться Киевомъ.

Въ данномъ случаѣ, думается, П. Н. Милюковъ безъ нужды чрезмерно заостряетъ свои положенія, тѣмъ самымъ подставляя ихъ подъ законные удары критики. Подобное же чрезмерное заостреніе своихъ положеній и выводовъ допускаетъ онъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Ограничусь однимъ только примѣромъ.

На страницахъ третьяго тома «Очерковъ» П. Н. Милюковъ даетъ чрезвычайно яркую характеристику реформы и личности Петра Великаго. Въ этой характеристикѣ много убѣдительнаго и безспорнаго. Но наряду съ этимъ въ ней есть и явные преувеличенія. Авторъ чрезчуръ ужъ полагается на отзывы современныхъ Петру иностранцевъ, главнымъ образомъ, Юля и Фокеродта, — отзывы, порою невольно заставляющіе вспомнить знаменитый откликъ Суворова на подобные же отзывы о немъ самомъ: «помилуй Богъ, все счастье да счастье, надо же немного и ума». Въ частности, не останавливаясь передъ расхожденіемъ съ мнѣніями военныхъ историковъ, П. Н. Милюковъ весьма рѣшительно отрицаетъ значительность личной роли Петра въ ходѣ военныхъ операций за время Сѣверной войны. «Пораженіе арміи Карла XII, какъ и пораженіе великой арміи Наполеона, — говоритъ онъ — есть, главнымъ образомъ, дѣло ихъ самихъ и русской природы». Въ дѣйствительности однако довольно трудно согласиться съ такимъ утверженіемъ. Малорусская зима сама по себѣ едва-ли была особенно страшна для шведовъ Карла XII. Дѣло было не столько въ «русской природѣ», сколько въ той обстановкѣ, въ какой шведскимъ войскамъ приходилось считаться съ нею, обстановка же эта была въ значительной мѣрѣ создана дѣятельностью Петра. Подготовкой Полтавской побѣды надъ Карломъ, ея, по выраженію Петра, «начальнымъ днемъ», было, между прочимъ, пораженіе Левенгаупта при Лѣсной, немѣченное и осуществленное Петромъ. Конечно, это пораженіе стало возможнымъ благодаря ошибкѣ Карла. Но вѣдь искусство борьбы въ весьма большой своей части и заключается въ умѣнь пользоваться ошибками противника. Въ виду этого приведенное утверженіе П. Н. Милюкова необходимо, по меньшей мѣрѣ, смягчить. Нѣсколько смягчить, думается, надо и не менѣ рѣшительные по своему критическому тону отзывы его о гражданской дѣятельности Петра.

Отмѣчая эти пункты возможнаго разногласія съ П. Н. Милюковымъ, я хотѣлъ бы однако тутъ же добавить, что и тому читателю его книги, который не во всемъ согласится съ ней, она во всякомъ случаѣ существенно поможетъ углубить свое знакомство съ русскимъ прошлымъ, въ частности, и съ тѣми сторонами послѣдняго, во взглядѣ на которыя онъ разоидется съ авторомъ «Очерковъ по исторіи русской культуры». И съ горячимъ нетерпѣніемъ приходится ожидать выхода обѣщаннаго четвертаго тома «Очерковъ», который долженъ завершить собою эту исключительную по своему значенію работу.

В. Мякотинъ.